

В. В. Напольских

ПРОИСХОЖДЕНИЕ САМОНАЗВАНИЯ ВЕПСОВ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

*The self-designation of the Veps, *vepsä is considered in the article as a result of interaction of Lappish, Scandinavian and Baltic-Finnic groups in Finland in end of the 1st mil. BC – beginning of the 1st mil. AD. On the first stage, when the aboriginal Lappish tribes of the Southern Finland had immediate close contacts with the Germanic incomers from Scandinavia to their land (which was called by the last **Finnland**, i. e. originally 'land of the Lapps'), the most southern Lappish groups had to know their Scandinavian name, **Finnar** 'Lapps' (< Germ. *fēnþ- 'to look for, to find'), which they confused with Germanic *fenne 'finn'. Thank to this paronymy, the name **Finnar** could be understood by the Lapps as 'fins' and therefore could be adopted by some of their groups as a self-designation in translated Lappish form *vepsē lit. 'fin'. As later the first Baltic-Finnic groups began coming to Finland from the southern coast of the Gulf of Finland and settling around the country, they assimilated the southernmost Lapps and borrowed the name, Lap. *vepsē > Fin. *vepsä as a pure ethnonym. This name became the self-designation of the Veps, the tribe, which probably was the pioneer among the Baltic-Finns moving north- and north-eastwards into the formerly Lappish lands.*

Имя вепсов (вепс. *veps*, *βeps* < приб.-фин. **vepsä*) является среди всех прибалтийско-финских этнонимов, пожалуй, самым загадочным и аттестуется как слово неясного происхождения [SKES, 1702–1703; Grünthal, 1997, 97–112]. Слово это, однако, имеет давно замеченную интересную параллель в виде саам. **vēpsē* (> саам. норв. *væk'se* (-*k's-* < **-ps-*), ин. *vepsi*, кильд. *viēps^E* и т. д.) 'рыбий плавник'. Эта параллель приемлема фонетически (см. ниже) и весьма интересна потому, что в герман-

ских языках, которые давно находятся в тесном контакте с прибалтийско-финскими и саамскими, слово для обозначения рыбьего плавника (шв. *fena*, норв. *finne*, англ. *fin* и т. д.; в плане индоевропейской этимологии ср. лат. *pinna*) дает квазиомонимичные формы со старым германским названием саамов и (вторично) финнов – *Finne*.

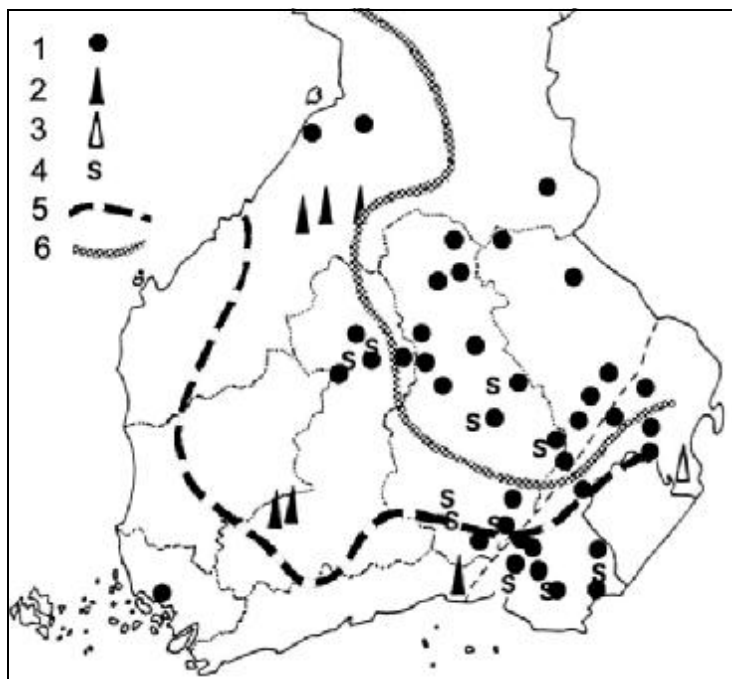
Саам. **vēpsē* ‘рыбий плавник’ пытались привлекать для разрешения проблемы происхождения имени **vepsä*, но только в связи с прибалтийско-финскими и саамскими этнонимами, которые возводили к апеллятивам со значением ‘клин’, ‘клин-вставка в одежде’, ‘треугольный предмет’ (и далее, согласно некоторым этимологам, ‘рыбий плавник’) (самоназвание воды *Vadja* в конечном счете восходит к балтскому слову со значением ‘клин, свая’, саам. *wiäwiäsh*, самоназвание одной саамской локальной группы, происходит от саамского слова – первоначально ‘(клинообразная) тряпка’ и т. п.). Поскольку, однако, эти гипотезы являются весьма надуманными и не только не решают проблему, но вызывают лишь новые вопросы (связанные прежде всего с мотивацией подобного именования), сопоставление прибалт.-фин. **vepsä* с саам. **vēpsē* не получило поддержки [см.: Grünthal, 1997, 48–49, 110–111].

С фонетической стороны рассматриваемая параллель прибалт.-фин. **vepsä* ~ саам. **vēpsē* проблем не вызывает, будь то общее наследие прибалтийско-финско-саамского праязыка (прибалт.-фин.-саам. **-ps-* > саам. **-ps-* > саам. норв. *-k's-*, прибалт.-фин.-саам. **CeCä* > саам. **CēCē* ~ прибалт.-фин. *CeCä*, ср., например, саам. **čēcē* ~ фин. *setä* < **šečä* ‘дядя’) [см.: Korhonen, 1981, 100, 170–171] или более позднее заимствование из прибалтийско-финского в саамский (ср., например, фин. *metsä* > саам. **mēccē* по вокализму и фин. *kypsyä* > саам. норв. *gik'sât* по консонантизму [см.: Lehtiranta, 1989, 74–75, 146–147; Korhonen, 1981, 38]). Примеров обратного заимствования (саам. > прибалт.-фин.) не так много: на основании саам. норв. *jæg'ge* > фин. *jänkä* [Korhonen, 1981, 39] следовало бы скорее ожидать саам. **vēpsē* → прибалт.-фин. **väpsä*, но поскольку колебания в вокализме здесь едва ли можно исключать, в особенности в свете таких колебаний в прибалтийско-финских заимствованиях в саамский (ср. наряду с приведенным выше примером еще фин. *velka* > саам. **vēlkē*, фин. *väärä* > саам. **verē*), то саамское происхождение данного прибалтийско-финского этнонима следует считать возможным. Нужно только иметь в виду, что в этом случае прибалт.-фин. **vepsä* должно быть заимствовано из языка, близкого к общесаамскому (т. е. такого, где сохранялась бы форма, фонетически близкая к **vēpsē*): саам. норв. *væk'se* дало бы скорее прибалтийско-финскую форму с **-ks-*, саам. ин. *vepsi* – скорее прибалт.-фин. **vepsi* и т. д.

В настоящее время вепсы живут к югу от Онежского озера, на стыке Карелии, Ленинградской и Вологодской областей. В X–XI вв. начальная русская летопись помещает принимавшую активное участие в ранней политической истории Руси *Весь* (очевидно – предки вепсов, носители интересующего нас самоназвания) в район Белого озера. У арабского путешественника ко двору правителя Волжской Булгарии Ахмеда ибн Фадлана (первая половина IX в.) описываются представители народа *вису*, жившего к северу от Булгарии. Самое раннее упоминание интересую-

щего нас имени следует видеть в первом компоненте комплекса *Vasinabroncas* в списке народов, якобы подчиненных готскому королю Эрменрику-Германариху у Иордана (VI в. н. э., источник информации как минимум на сотню лет раньше). Таким образом, по меньшей мере с I тыс. н. э. это имя хорошо известно на путях, соединяющих Волгу и Балтику.

Археологически летописная *Весь* связывается с культурой юго-восточного побережья Ладожского озера, складывающейся в IX в. [см.: Голубева, 1973, 14–20]. Хотя более ранние истоки этой культуры неясны, считается возможным предполагать изначальный импульс с запада, с территории Финляндии [см.: Рябинин, 1997, 84–85]. На это же направление указывает и распространение топонимов с основой *vepsV-* (см. карту), причем по ним уже достаточно ясно просматривается путь из Центральной Финляндии через северное побережье Ладоги, в то время как к югу от Ладоги интересные нас топонимы неизвестны.

Древнее расселение саамов в Финляндии и распространение топонимов на **vepsV-*:
 1 – названия на *vepsä-/vepsa-*; 2 – названия на *vepsu-*; 3 – названия на *vepsö-*; 4 – самые восточные названия на *suom(i)-*; 5 – южная граница расселения саамов около 1200 г.; 6 – южная граница расселения саамов около 1500 г. [Valonen, 1980; Grünthal, 1997; Itkonen, 1984, I]

Эти данные свидетельствуют о том, что **vepsä* было именем древнего прибалтийско-финского племени, которое, сформировавшись в Центральной Финляндии, продвинулось затем вдоль северного побережья Ладожского озера на восток и юго-восток. Поскольку при этом на исторической вепсской территории в Ме-

жозерье, в треугольнике между Ладожским, Онежским и Белым озерами, собственно вепсская топонимия перекрывает более древний топонимический слой, который интерпретируется как саамский [см.: Муллонен, 1994, 118–122; Напольских, 1995, 136–137; Матвеев, 2001, 296–297, 306–308, 344], следует полагать, что при своем движении на юго-восток прибалтийско-финские носители этнонима **vepsä* занимали территории, которые до них были заселены носителями древне-саамских («южно-саамских») [Korhonen, 1981, 50] диалектов.

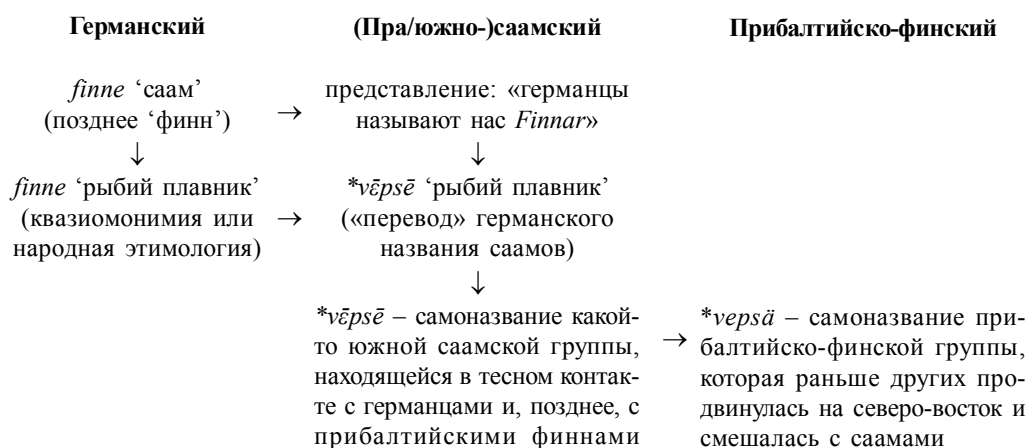
Первые контакты прибалтийско-финских предков вепсов с древними («южными») саамами, однако, должны были иметь место еще в Центральной Финляндии: носители этнонима **vepsä* начали свое движение из Центральной Финляндии на юго-восток во всяком случае до IX в., т. е. тогда, когда Финляндия была еще *Финляндией* (*Finnland*) в изначальном смысле этого слова – «страной саамов» и основным населением ее районов, за исключением побережья, были все те же «южные» саамы. На прилагаемой карте видно, что западная граница топонимов на *vepsV*- практически совпадает с линией исторического отступления саамов и с северо-восточной границей старых топонимов на *suom(i)*-. Из этого можно заключить, что имя **vepsä* возникло на северо-восточной периферии раннего прибалтийско-финского ареала Финляндии, в контактной зоне между прибалтийскими финнами и саамами и скорее всего – в окружении еще саамского по языку населения. Таким образом, роль «южно-саамского» населения Финляндии в ранней истории вепсов должна была быть весьма велика, и к перспективе поисков этимологии этнонима **vepsä* в саамском языке следует отнестись максимально внимательно.

Остаются, правда, неясными семантические основания для именования группы словом со значением ‘рыбий плавник’. Для восстановления истинной картины языковых и этнических отношений в Финляндии в начале нашей эры важно иметь в виду, что в саамском и прибалтийско-финском языках имеются независимые параллельные заимствования из примерно одного и того же германского языка-источника [см.: Ritter, 1993, 34–36]. Исторически это может быть объяснено только принятием гипотезы о том, что носители уже отдельно существовавших прибалтийско-финского и саамского праязыков жили на общей территории с носителями какого-то раннего германского языка, который, возможно, отделял их друг от друга. Традиционно предполагаемые контакты саамского с ранним скандинавским на севере Фенноскандии и прибалтийско-финского с германским в Финляндии едва ли соответствуют такой картине. Гораздо удачнее согласуется эта картина с гипотезой о контактах вокруг Финского залива, где, с одной стороны, древние саамы внутренних районов Финляндии, а с другой – прибалтийские финны современной Эстонии и северо-западных областей России уже в I тыс. до н. э. были разделены происходившими с территории современной Швеции скорее всего протогерманоязычными носителями культуры курганов с каменными ящиками, причем скандинавское германоязычное население продолжало непрерывно занимать южное и северное побережья Финского залива и позже на протяжении длительного времени. Таким образом, предположение о тесных непосредственных контактах «южно-саамского» населения Финляндии с германцами, жившими в ее прибрежных районах, выглядит вполне обоснованно.

По крайней мере с I в. н. э. (Тацит: *Fenni*) германцы называли охотников и рыболовов саамов, живших в восточных пределах Балтии, в соответствии с их образом жизни: *Finn(ar)* < **fenn(oZ)* ‘ищу(е)’ < **fenþ-* ‘искать, находить’ [см.: Grünthal, 1997, 49–50]. Как уже было сказано выше, это имя практически омонимично с герм. **fenne* ‘рыбий плавник’. Вследствие этой квазиомонимии могла возникнуть народная этимология германского названия саамов – и не только в собственно германских языках, но и в диалектах южно-саамских групп Финляндии, которые находились в особенно тесных контактах с германцами и могли быть двуязычными. Таким образом, можно предположить возможность своего рода народно-этимологического калькирования германского **finne* ‘рыбий плавник’ → ‘саам’ в какой-то саамский диалект в виде саам. **vēpsē* ‘рыбий плавник’ → ‘самоназвание определенной южно-саамской группы’.

Уже в последние века до н. э. начинается переселение потомков создателей культуры курганов с каменными ящиками и вырастающей из нее культуры могильников с каменными оградками с юга на северное побережье Финского залива [см.: Salo, 1968]: среди последних, вероятно, были и первые носители прибалтийско-финской речи в Финляндии. В отличие от германцев, которые были более тесно связаны с морем и тяготели к побережью, прибалтийские финны по своему хозяйственному укладу (прежде всего следует иметь в виду подсечно-огневое земледелие, сохранявшееся как основное занятие у «лесных финнов» Скандинавии до XVIII в. и обеспечившее их быстрое распространение далеко на север) были скорее склонны к освоению внутренних районов страны и начали не позднее сер. I тыс. н. э. активное продвижение на север и восток, колонизируя территории современных Финляндии и Карелии и вытесняя саамское население. Одной из самых передовых групп прибалтийских финнов были, очевидно, предки вепсов, которые уже в Центральной Финляндии должны были вступить в тесные контакты и частично смешаться с южными саамами, в ходе чего и могли заимствовать самоназвание одной из южно-саамских групп, саам. **vēpsē* > приоб.-фин. **vepsä*.

В целом предлагаемая гипотеза может быть представлена в виде следующей схемы:

Необходимо заметить, что эта схема может быть понятна только при условии принятия высказанной выше гипотезы об очень позднем проникновении прибалтийско-финского языкового компонента на территорию Финляндии (не ранее конца I тыс. до н. э. и во всяком случае гораздо позднее появления на южном побережье Финляндии скандинавского германоязычного населения). Эта гипотеза выглядит практически безупречно с точки зрения как исторической, так и лингвистической: ср., например, топонимическую картину южной Финляндии, где ареал германских названий прибрежных районов, не имеющих порою и по сей день финских соответствий, смыкается с ареалом топонимов на *lapp(i)-*, указывающих на бывшее присутствие саамов, и оба эти пласта оказываются перекрыты собственно финскими топонимами.

-
- Голубева Л. А. Вель и славяне на Белом озере. X–XII вв. М., 1973.
Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера: В 3 ч. Ч. I. Екатеринбург, 2001.
Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
Напольских В. В. [Рецензия] // Финно-угроведение. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1995. Рец. на: Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.
Grünthal R. Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonymit // Castrenianumin toimitteita, 51. Helsinki, 1997.
Ikonen T. I. Suomen lappalaiset vuoteen 1945. Osat I–II. Toinen painos. Porvoo, 1984.
Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
Lehtiranta J. Yhteisaamelainen sanasto // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 200. Helsinki, 1989.
Ritter R.-P. Studien zu den ältesten germanischen Entlehnungen im Ostseefinnischen // Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia, 5. Frankfurt am Main, 1993.
Salo U. Die Frühromische Zeit in Finnland // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja, 67. Helsinki, 1968.
SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Toim. Y.Toivonen et al. N. 1–8. Helsinki, 1955–1963.
Valonen N. Varhaisia lappalais-suomalaisia kosketuksia // Ethnologia Fennica, 10. Helsinki, 1980.

* * *

Владимир Владимирович Напольских – доктор исторических наук, профессор кафедры теории языка и перевода факультета профессионального иностранного языка Удмуртского государственного университета (Ижевск).